

Цзин Тяньюэ слегка ущипнула её за талию:

— А ты умеешь развлечься.

Сяо Жун едва не повалилась на бок. Выпрямившись, она взяла свою миску и отхлебнула каши, но палочки случайно проткнули жареный пирожок, и из него вытек сок.

Она разочарованно вздохнула. Цзин Тяньюэ, подперев щеку рукой, наблюдала за ней:

— Дай свой телефон посмотреть.

Сяо Жун по привычке протянула его, и лишь когда Цзин Тяньюэ собралась забрать его себе, она спохватилась и выхватила обратно:

— Брат Хун сказал, что нельзя давать тебе.

Цзин Тяньюэ:

— Ты меня больше не любишь.

Сяо Жун:

— ...Вовсе нет.

Цзин Тяньюэ помешивала кашу ложкой, не глядя на неё. Видя, что та, кажется, уже пришла в себя, она притворно вздохнула:

— Некоторые люди на словах обещают быть со мной всю жизнь, а телефон даже показать не хотят. Может, там другая женщина? Впрочем, я ведь изначально...

Сяо Жун:

— Посмотрю, всё я тебе покажу!

Она даже разозлилась. Цзин Тяньюэ протянула руку, приобняла её за плечи и, подув на ложку с кашей, чтобы та остыла, скормила её Сяо Жун:

— Ну не сердись, малышка, я же пошутила.

— Не обращай внимания на Хун Цзэ, он просто напуган до смерти и остался с психологической травмой. Да, вчера я действительно испытала потрясение, но сейчас мне уже гораздо лучше.

— Ничего страшного. Это просто факты. В конце концов, я не собираюсь умирать. Если и умру, то это будет лучшим исходом для этой пары... идиотов.

Сяо Жун почувствовала, что даже пирожки с креветками потеряли свой вкус. Она с меланхоличным видом посмотрела на Цзин Тяньюэ, нахмутив брови, словно пребывая в полном отчаянии.

Цзин Тяньюэ коснулась пальцем её лба:

— Не переживай, со мной всё будет в порядке.

«Уже случилось, что было не в порядке», — подумала Сяо Жун. Она перехватила этот палец, а

затем обхватила руку Цзин Тяньюэ своей ладонью:

— Я пойду с тобой на пресс-конференцию.

Цзин Тяньюэ в это время просматривала телефон. Она зашла в аккаунт Сяо Жун и увидела ленту новостей — в обсуждениях было полно тем, связанных с ней.

На самом деле она понимала ситуацию: в последнее время возможности семьи Цзо позволяли подавлять весь негатив, но Хун Цзэ не стал этого делать. Цзин Тяньюэ изначально была жертвой, а раньше, учитывая её несовершеннолетие и планы на будущее, все предпочли заставить всех молчать.

Но в эпоху больших данных и развитого интернета, где информация распространяется мгновенно, при такой массовой утечке скрыть всё было невозможно — это не те времена, что десять лет назад.

Если о чем-то не пишут в ленте, это не значит, что об этом никто не знает.

Команда Хун Цзэ постепенно меняла общественное мнение, исправляя те впечатления, что нанесли первые фанатские аккаунты. Цинь Мянью стал для него удобным инструментом: используя его имя для привлечения трафика, они одновременно наносили удары, и причины развода прошлых лет снова оказались в центре бури.

Цинь Мянью пришлось готовиться к худшему.

Но и он сам был по уши в проблемах.

Особенно после того, как через людей из индустрии просочились сведения о состоянии Цзин Тяньюэ.

После развода его ресурсы резко сократились. Семья Цзо, хоть и не обладала абсолютной властью в шоу-бизнесе, была силой, которую нельзя было недооценивать, особенно учитывая их связи. Обычные люди старались их не злить. Он уехал за границу на некоторое время, чтобы переждать бурю, но после возвращения сценариев было катастрофически мало, и он почти полностью зависел от Шэнхэна. Впрочем, его самого это не особо заботило — актерство было лишь одним из путей, а он хотел другого. Цзин Тяньюэ была для него слишком особенной. Когда человек оказывается в ловушке обстоятельств, он постоянно убеждает себя, что принятые решения верны, но всё равно не мог сдержаться.

— Ты с ума сошла?

Чу Янь сидела на диване. Её воротник был в беспорядке — было видно, что её сильно схватили.

Это был их с Цинь Мянью дом. После ссоры атмосфера стала ледяной. Глаза Чу Янь покраснели; несколько часов назад Цинь Мянью стремительно вернулся из-за границы и, застав Чу Янь дома, прижал её к стене, едва не задушив.

За эти годы Чу Янь научилась понимать характер Цинь Мянью: в нём уживались слабость и жесткость, он был мягкосердечен, но порой проявлял невероятное упрямство.

Она совсем его не боялась.

Люди, живущие ради любви, в такие моменты готовы идти ва-банк.

— Ты разволновалась?

Чу Янь схватила его за руки, которые только что сжимали её воротник. Она помнила запах его тела с самого детства.

Когда-то у них были времена, когда они полагались только друг на друга. Это было то прошлое, в которое она хотела возвращаться каждый божий день. Под стрекотание старого, раскаленного летним зноем вентилятора, юный Цинь Мяннь спрашивал:

— Сестренка, хочешь арбуза?

Следы от соломенного мата оставались на лице. Чу Янь протирала глаза и звала его:

— Брат Мяннь!

Она подцепляла зубочисткой кусочек мякоти, щурилась от холода и говорила:

— Какой сладкий! Брат Мяннь, ты его из колодца достал?

Тогдашний Цинь Мяннь, конечно, не был таким зрелым, как сейчас. Юношеская неловкость еще не до конца исчезла, и когда он улыбался, это выглядело по-настоящему красиво, а не той напускной крутостью, которую он демонстрировал на фото в последние годы.

— Мама велела мне принести тебе. Если будешь спать дальше, уже поздно станет. Твоя мама ведь сегодня должна вернуться?

Чу Янь жила по соседству. Она была из неполной семьи, её мать постоянно работала и почти не бывала дома.

В этом районе жизнь была беспокойной, часто приходили коллекторы. Мать Чу Янь давала деньги матери Цинь Мяння, чтобы та присматривала за девочкой.

Мать Чу Янь не была похожа на местных, и дочь тоже — она всегда росла в неге. В то время как другие девчонки помогали семьям: торговали на лотках, разгружали товар или таскали вещи при ремонте, только Чу Янь была нежной и ухоженной, носила дорогие платья и играла на виолончели в своей комнате.

Если уж на то пошло, её родной отец был мертв.

Чу Янь лишь неопределенно хмыкнула.

Она не могла долго оставаться дома одна, поэтому приходила сюда. Цинь Мяннь не учился, помогал матери с ночным бизнесом по продаже барбекю: днем спал, а ночью работал.

— Но она еще не вернулась. Можно мне побыть еще немного?

Чу Янь чувствовала, как её шея горит от того, что её схватили за воротник. Она смотрела на Цинь Мяння, пытаясь разглядеть в этом мужчине того юношу из прошлого.

Она спросила:

— Брат Мяннь, ты ведь никогда меня не любил?

Ей так хотелось знать почему. «Я полюбила тебя еще совсем маленькой. Я говорила тебе, что у

меня есть очень влиятельный отец, что я обязательно вернусь. Но ты всё равно не хотел меня принимать. Ты даже не проводил меня, когда я уходила».

В семнадцать лет глава компании Шэнхэн, её родной отец, наконец умер, оставив после себя единственного ребенка, боровшегося с раком. И только тогда он вспомнил о своей внебрачной дочери.

Чу Янь с детства знала, что этот день настанет. Её мать верила в судьбу; она гадала у одного могущественного старика в Таиланде, и тот предсказал, что однажды её дочь будет признана.

Мать говорила:

— Моя дочь — избранница небес, и муж у неё будет великий.

Она отвечала:

— Я хочу такого, как брат Цинь Мян.

Женщина возражала:

— С такой внешностью, как у него, в большом мире найдется много других.

Но нет. Люди бывают слишком упрямы, и она выбрала Цинь Мян.

Она открылась ему полностью, даже не побоялась напоить его до беспамятства одной летней ночью. Девочка была полна надежд и даже заручилась поддержкой матери Цинь Мян.

Она надеялась, что как только она подрастет, они поженятся.

Цинь Мян оставался тем же молчаливым юношей, а затем превратился в молчаливого мужчину. Он ничего не сказал, и Чу Янь даже не пошла его провожать.

Она уходила с надеждой, наполняя каждый день долгими телефонными звонками и бесконечным ожиданием. Но вместо обещанного будущего с Цинь Мянем она получила лавину новостей.

Самая знаменитая актриса шоу-бизнеса вышла замуж, а её муж — мужчина на самой большой фотографии в газетах — должен был быть её мужем.

«Ведь я была первой. Я получила его первой. Как он мог отдать его тебе?»

Цинь Мян пристально смотрел на Чу Янь. В его глазах больше не было прежней нежности, лишь вопрос:

— Почему?

Чу Янь улыбнулась:

— Ты не любишь меня, но я разрушу её жизнь, и тогда ты тоже не будешь счастлив. Никто не получит покоя.

Она всё еще не могла произнести эти три слова: «Ты любишь её». Не могла вынести, не хотела признавать поражение.

Цинь Мянь закрыл глаза:

— Если ты мстишь мне — ладно. Но зачем впутывать её? Зачем даже напиваться, чтобы вывести правду?

Чу Янь схватила его за руки. В её прикосновениях была лишь горечь разочарования:

— «Впутывать»... какое интимное слово.

— Тебе жаль её? Ей твоя жалость не нужна. Разве она не влюбилась в другую? В женщину.

— Видишь, она так легко влюбляется в других. Даже если бы ты не любил меня, а любил её, всё было бы так же. То, что она может тебе дать, я тоже могла бы дать!

Её глаза покраснели. Образ «милрой девушки» с экрана сменился образом озлобленной, обиженной женщины.

Цинь Мянь отвернулся, на его лице читалось лишь раздражение.

...

Цзин Тяньюэ подперла щеку рукой:

— И куда ты собралась? Моя пресс-конференция.

Сяо Жун:

— А что, жене нельзя пойти?

Цзин Тяньюэ ущипнула её за щеку:

— Я ведь всё ещё за тобой ухаживаю.

Сяо Жун скорбно посмотрела на неё:

— Мне что, сейчас официально объявить, что я согласна?

Цзин Тяньюэ холодно заметила:

— Я видела в Weibo. «Идеальный преемник»... Действительно, идеальный.

Сяо Жун:

— ...

Цзин Тяньюэ прислонилась к плечу Сяо Жун, перебирая её пальцы, и её голос стал очень нежным:

— Ничего страшного. Я просто хочу поставить точку в прошлом. Я не собираюсь устраивать истерику прямо на месте.